

Один на один с Кем-то

СОБЕСЕДНИК

«Дела бывают разные: по должности и чину, по обязанности и занятиям, по желанию и в неволь, для души и по способностям». Эти слова не из сказки, а из книжки угличского историка-архивиста Татьяны Третьяковой. Вот уж кто действительно работает не в неволь, а для души, так это она сама. По материалам здешнего архива она опубликовала около сотни статей и несколько книжек о людях, в разное время живших в угличско-мышкинских краях: внучке фельдмаршала Кутузова, представителе славного рода Тучковых, дедах и прадедах Тютчева. У нее можно найти рассказы о потомке знаменитого боярского рода Михаиле Волынском и о дворовой девке Нюрке, ставшей княгиней Щепиной-Ростовской, о безвестных, но чем-то отметившихся в здешних местах «господах уездных дворянах» и тех, кто числился «во крестьянах и купцах».

Десятый год Татьяна Третьякова работает в Угличском филиале Государственного архива Ярославской области. Недавно назначена его директором. Появилось много новых хлопот и обязанностей. Но я предложила поговорить не о новом, а о старом, том, что выросло ее как исследователя.

— Это правда, Татьяна Анатольевна, что, как я слышала, среди угличской округи были Отрепьевы?

— По документам такая семья или отдельные люди с такой фамилией не проходят. Но Углич так богат легендами! У меня ощущение, что он иногда концентрирует вокруг себя легенды других мест.

— История царевича Дмитрия сыграла какую-то роль в вашем выборе профессии?

— Нет. Честно говоря, я принципиально не берусь за эту тему. Мне жаль мальчика, слишком затертая получилась тема. И потом я не считаю себя специалистом, достаточно эрудированным в русском средневековье. Пока нет новых документов, не стоит ожидать и новых ярких открытий. До сих пор ведь перепеваются на все лады одни и те же источники. Нужно поднимать новые, но базы, где они могут быть обнаружены, в нашем архиве нет. Если искать, то нужно поднимать документы Государственного архива древних актов в Москве, какие-то рукописные личные фонды опять же в центральных архивах, искать что-то в литературных хранилищах, в историческом архиве города Москвы.

— Если не тайна царевича Дмитрия, то что определило ваш жизненный выбор? По первому образованию вы ведь врач.

— Все устроило провиденье Господне. Люди из медицины часто приходят в творческие профессии. Медики ориентированы на то, чтобы врачевать физические недуги, работники архива по своему первому назначению — помощники в борьбе с какими-то неустройствами в душе человека: помогают найти нужную ему справку, установить родственные связи, уточнить какую-то дату — для человека подчас это жизненно важно.

Так что в каком-то смысле медик и архивист — близкие профессии, и мой путь логичен. Окончила среднюю школу в Угличе, трижды поступала в медицинский институт и трижды меня заваливали. Поступила в Ярославское медицинское училище № 1 и окончила его по факультету зубных врачей. Была направлена в село Рождествено в 30 км от Мышкина — между прочим, в больницу, носившую до революции имя Александра Алексеевича Тютчева. Проработала там четыре года и одновременно поступила в Московский историко-архивный институт. Перевелась зубным врачом в

Мышкин и заканчивала институт уже там. С тех пор у меня столько друзей и единомышленников на Мышкинской земле, ей ведь отдано восемь лет. Иногда шучу, что все мышкинцы прошли через мои руки, точнее через мое зубоорудие кресло.

Есть такая особенность у старых документов: они притягивают. «Почтеннейшее письмо ваше я имел честь получить со вложением 17 рублей» — звучит, правда? Или: «От доброхотных дателей» — такую запись можно найти в церковных книгах, имелись в виду безымянные жертвователи на нужды храма. Возьмешь один раз в руки такое и уже не забудешь.

Хотя труд архивиста не только сладок, но и очень тяжел. Горы бумаг мы перемещаем с полки на полку вручную. Бывает, кто-то обижается, почему быстро не смогли ему справку поднять. Вроде, подошел и взял. Приходится объяснять: чтобы подтвердить, например, какую-то дату, мы вынуждены искать ее не только месяцами — иногда годами.

И еще те, кто здесь работает, знают: старый документ несет энергетику прошлого, и сталкиваться с ней бывает морально тяжело. Эта энергетика идет от бумаги, чернил, еще неизвестно от чего, но мы на себе ее много раз испытывали. Иногда поступает запрос, начинаешь с ним работать и чувствуешь: не идет. Есть в народе такое понятие — водит. Чувствуешь: то, что тебе нужно, где-то тут, рядом, а в руки не дается. Что-то водит и водит тебя вокруг. И когда с большими усилиями все-таки добираться до искомого факта, видишь, вот оно в чем дело: то ли тут репрессия, то ли судебная тяжба, то ли скандал в семье или смерть нелепая.

А бывает все так легко! Берешь документ, и ниточка за ниточкой, факт за фактом нужная тебе история сама раскручивается.

Мощное поле, идущее от документов, еще по-другому чувствуется: это ощущение чьего-то присутствия. Когда находишься в массе старых документов и когда тишина, а ты сидишь и работаешь одна в кабинете, то в какой-то момент начинает казаться, что рядом кто-то есть. Иногда даже бывает такое чувство, что если повернешься, то встретишься глаза в глаза с кем-то. И это не только у меня. Восприятие жуткое, по первости я пугалась даже. Полное ощущение физического присутствия другого человека. Не кого-то определенного, а Кого-то...

— Ой, Татьяна Анатольевна! Хорошо, что сейчас за окном день, а не ночь...

— В старом здании все было вообще на уровне полтергейста. Шаги. Скрип дверей, половиц. Двери у нас, бывало, сами собой открывались. Помню, что я

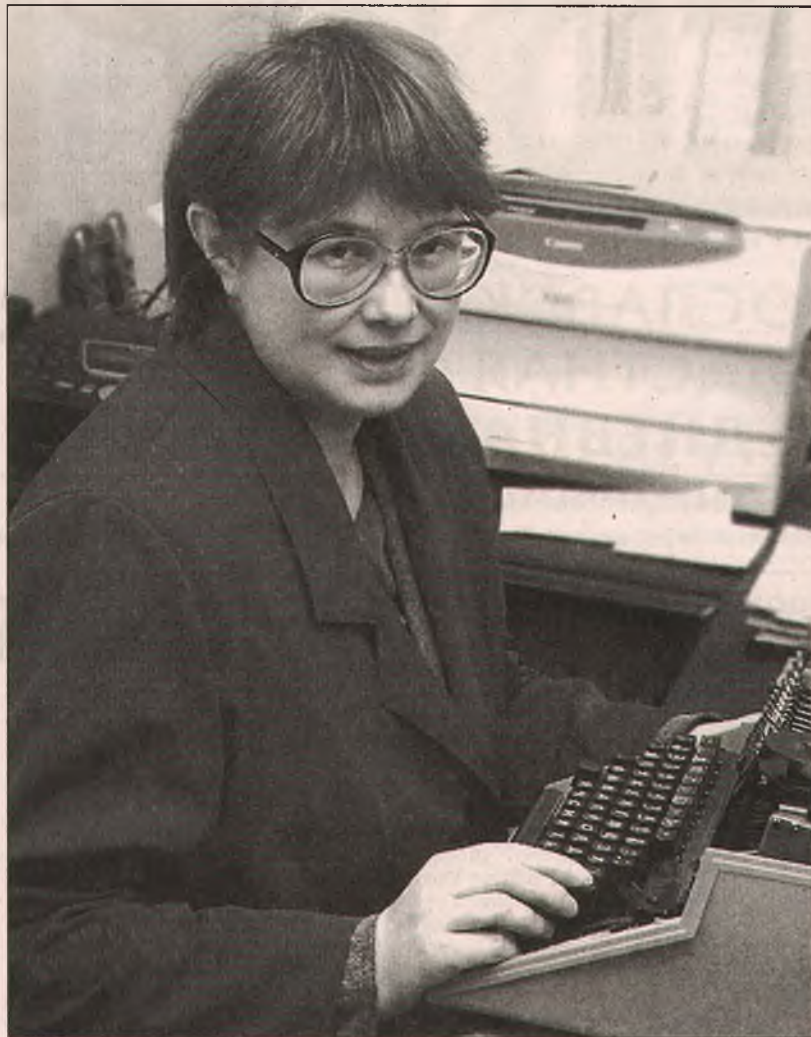

фото Анны ЯШИНСКОЙ

сама лично дверь запирала на крючок, а тут подхожу к ней — крючок раз — и отщелкнулся. И дверь открылась. Может быть, здание от старости «повело», или что еще — объяснения могут быть разные. Шаги, шорохи — это вообще обычное состояние архива. Сотрудники настолько привыкают, что потом уже их не замечают. И к чувству того, что ты тут не одна, привыкают тоже. Вообще архив — особое место. Даже сам аромат воздуха здесь не нейтральный, а насыщенный чем-то.

— Пылью, наверное, pardon...

— Увы, пыль веков — здесь не только поэтический образ. Бывает, сотрудники уходят потому, что не устраивают именно условия нашей работы. Папки, книги попадали сюда из разных мест, особенно досоветские. Из разрушенных церквей, из дворянских усадеб — полусожженных, полуразграбленных, где они валялись на полу, в сараях, в мешках. Они попадали к нам из частных домов, с чердаков — в птичьем помете, погрызенные мышами. И архивисты все эти годы чистят их, обрабатывают.

— Самый старый документ в угличском архиве какой? И самый уникальный?

— У нас есть специальный учет, но эта информация конфиденциальная. К сожалению в последнее время интерес к документам стал проявляться в коммерческом плане. Они исчезают, есть случаи хищения — понятие строгости хранения стало как никогда актуально. Музеи уже переграбили, частных лиц переграбили, остались архивы.

— Вы, судя по тому, сколько всего интересного нашли, знаете, наверное, все, что здесь хранится?

— Многие документы даже знаешь, как выглядят: помнишь, в какой они корочке, какого она цвета, какими чернилами подписана, чей почерк на документе. За столько-то лет работы среди этих полок!

— Без этого такой книги как «Тютчевы — мышкинские

дворяне», наверное, бы не получилось. Собраны подробнейшие сведения обо всех, кто носил эту славную фамилию, начиная с XVII века. Плюс карты, схемы, именное перечисление принадлежащих каждому Тютчеву дворовых людей и крестьян, описание их владений, послужные списки. А вместе с этим живые характеры, перипетии судеб, живая жизнь на небольшом участке угличско-мышкинского края. Здорово!

— Книга вышла в августе 2003 года (издатель Александр Рутман) к 200-летию Федора Ивановича Тютчева. Когда она задумывалась, было понятно, что притягивать к себе такое имя опасно — это звезда слишком большой величины. Надо было обосновать документально, что ярославская земля имеет полное право на имя Федора Ивановича Тютчева. Что все корни, предки его пошли с Ярославщины. Работая над книгой, я еще больше уверилась в том, что если бы не было села Знаменского, неизвестно был бы поэт Федор Иванович Тютчев. Исторически, генетически род, начало которому здесь, должен был дать России такого человека.

— Тютчевское село Знаменское в прежние годы числилось в Мышкинском уезде, сейчас оно в Угличском районе. Ваши архивные исследования, да и ваша личная судьба географически тоже все время оказываются как бы в двух районах сразу. Пограничных споров или претензий не возникает?

— Вроде бы, нет. Одна из моих книжек называется «Мышкинские перелогии». Это краеведческие этюды, мини-рассказы на бытовые и социальные темы, естественно, тоже по материалам архивных дел. Тех, что касались уезда Мышкинского и уезда Угличского. Два этих района всегда соприкасались в истории и практически друг друга неразделимы. Угличане часто уезжали в Мышкин, мыш-

кинцы — сюда. Предводители дворянства нередко менялись местами: один и тот же человек, Тучков, был сначала предводителем в Мышкине, потом в Угличе. Многие угличане не знают, даже старожилы, что заволжская часть Угличского района раньше была Мышкинской, границей районов служила Волга. Я всегда говорю, что конфронтация бессмысленна. Исторический процесс любой территории течет. Когда слышишь «наши», «ваши», «ихние» — я это просто не понимаю. Все едины.

— Находка в архиве — это итог целенаправленного поиска или дело случая?

— Бывает и так, и так. Приведу один пример. Просматривая описи, я обратила внимание на дело о предводителе Мышкинского дворянства Петре Петровиче Батурине — двоюродном дяде Тютчева. В числе многого хорошего, что Петр Петрович сделал для родных мест, была дорога, которая жива до сих пор и называется Батуриной.

Вот откуда, оказывается, это название — Батуринская дорога! А я и не знала.

— А какие-нибудь документы, связанные с именем Михаила Чехова, у вас сохранились?

— Михаил Павлович Чехов работал в Угличе податным инспектором в 1892 — 1894 годах. Сохранился фонд податного инспектора, где есть его личные автографы. Есть документы по драматическому кружку, в деятельность которого он внес живую струю: привлек в него разночинную публику, актеры сами шили костюмы, делали декорации. В числе авторов, которых при нем ставил кружок, появился Антон Павлович Чехов. Угличские барышни обаяли Михаила Павловича, хотя, как известно по историческим свидетельствам, были разборчивы и не любили выходить не за своих, особенно почему-то не жаловали женихов из Калязина, которых считали «охломонами». Но Михаил Павлович, преодолев все эти предрассудки, женился на угличской девице Владыкиной, гувернантке Дальбергов — была такая известная дворянская фамилия в городе. Венчались они, впрочем, не здесь, а в Мелехове. Известны негативные высказывания Михаила Павловича об Угличе — грязь, захолустье — сюжеты некоторых чеховских произведений взяты отсюда. Что было, то было.

— А я обратила внимание на то, что одна из ваших книг начинается чьим-то высказыванием: «Мы должны изучать Россию, любовно вглядываясь в ее черты». Мне кажется, что вы сами вглядываетесь в прошлое любовно, несмотря ни на что.

— Энергетика Углича не благодатная. В его давней и не очень давней истории было всякое, так что она разная. Мои книги, как лоскутное одеяло: из ярких тонов и темных. Все, как в жизни. Документы, собранные в архиве, соврать не дадут.

Татьяна ЕГОРОВА.